

23 декабря
Ручка

О „Желтой кофты“.

Новая пьеса Свободного театра и ее постановка получили крайне разноречивую оценку со стороны критики и потому вызывают много толковъ среди публики.

Въ одномъ сходятся все, а именно въ томъ, что вишняя сторона спектакля богата, красива и выдержана въ китайскомъ стилѣ, — вѣрнѣе въ стилѣ китайскаго лубка, — сказали бы мы.

Пишущему эти строки, какъ неоднократно выдавшему настоящій китайскій театр на его родинѣ, хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ погрѣшилъ Свободный театр своей блестящей постановкой противъ подлиннаго.

Прежде всего невѣрна самая читка и тонъ всѣхъ исполнителей съ чуткимъ Манаховымъ во главѣ. Китайскіе лицедеи на подмосткахъ или поютъ, или говорятъ съ такимъ повышеннымъ пафосомъ, что европейское ухо принимаетъ ихъ декламацию за крикъ.

Да иначе и быть не можетъ, если принять во вниманіе экспансивность китайской публики, которая въ теченіе всего дѣйствія оживленно обмѣнивается впечатлѣніями и то и дѣло поощряетъ ретивыхъ актеровъ громкими возгласами: „хао!“, т.-е. хорошо, браво.

Второй и самый главный дефектъ „Желтой кофты“ — это участіе на сценѣ женскаго персонала, который на китайской сценѣ замѣняется мальчиками. Мальчики эти до полной иллюзии передаютъ манеры и голосъ женщинъ, но женщины, именно, китайскія, а не другой какой — нибудь національности, тогда какъ въ Свободномъ театрѣ публикѣ преподносятъ вмѣсто китайокъ, типичныхъ японокъ.

А вѣдь между этими двумя народностями разница гораздо замѣтнѣе, чѣмъ между русскими и испанцами.

Весь складъ и всѣ движенія китайской женщины особенно своеобразны, благодаря изуродованнымъ ногамъ: походка шаткая, въ перевалку, съ балансирующими локтями, на нашъ взглядъ въ высшей степени неграціозная.

Кромѣ того для нея особенно типичны сужающіяся книзу штаны, которые всегда видны изъ подъ болѣе, или менѣе короткой „курмы“, т. е. кофты.

Прическа намотана на высокую серебряную подставку, а на лобъ до самыхъ бровей спущена ровно подстриженная челка. Лицо арко набѣлено и надумяно, брови рѣзко насурмяны, въ рукахъ (даже у дѣвочекъ) неизмѣн-

ная трубочка, — „ганза“, съ длиннымъ мундштукомъ...

Если въ Китаѣ вѣтъ актрисъ, то существуетъ обширная корпорація гейшъ, играющихъ на инструментахъ, пренебрежительно поющихъ и, вмѣсто танцевъ, жестикулирующихъ руками, вооруженными вѣеромъ.

Обликъ этихъ прелестницъ совершенно подходитъ къ приведенному нами выше портрету китайки.

Этого типа слѣдовало бы придерживаться и Свободному театру, разъ ужъ онъ захотѣлъ вывести на сцену женщинъ Небеснаго царства.

Можно было бы упрекнуть еще и музыку за недостатокъ оглушительности и за излишнюю, сравнительно съ китайской, мелодичность, но въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ пожалѣть и публику.

Подлинной китайской музыки она не выдержала бы не только въ теченіе трехъ часовъ, но и въ теченіе десяти минутъ.

Очень характеренъ для китайской сцены былъ безучастный бутафоръ, невидимый яко бы для зрителя.

Намъ случилось видѣть въ маленькихъ городкахъ Манчжуріи ярмарочные театры, на сценѣ которыхъ каждого актера сопровождалъ особый бутафоръ съ бумажнымъ фонаремъ на длинной палкѣ.

За отсутствіемъ другого освѣщенія, фонари эти позволяли видѣть мимику лица и гримъ исполнителей, о фонарикахъ же публика дѣйствительно забывала.

Сергей Мамонтовъ.